

Tatyana V. Shmeleva

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia

Names of Monasteries in the Novgorod Onomasticon

Voprosy onomastiki, 2020, Vol. 17, Issue 2, pp. 186–200

DOI: 10.15826/vopr_onom.2020.17.2.023

Language of the article: Russian

Шмелева Татьяна Викторовна

Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия

Названия монастырей в новгородском ономастиконе

Вопросы ономастики. 2020. Т. 17. № 2. С. 186–200

DOI: 10.15826/vopr_onom.2020.17.2.023

Язык статьи: русский

Downloaded from: <http://onomastics.ru>

ИНСТИТУТ
РУССКОГО
ЯЗЫКА
им. В. В. Виноградова
РОССИЙСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУК

НАЗВАНИЯ МОНАСТЫРЕЙ В НОВГОРОДСКОМ ОНОМАСТИКОНЕ*

В статье представлен опыт анализа фрагмента новгородского ономастикона, который составляют названия монастырей (экклезионимы) и производные от них городские имена. Анализируются исследования экклезионимов других городов, в том числе белорусских. В рассмотренных публикациях утверждается, что можно говорить об экклезионимике как особом направлении ономастики. Названия православных монастырей Великого Новгорода и его ближайших окрестностей охарактеризованы в отношении их мотивированности, показано, что среди них есть мотивированные агнионимами — *Антониев, Юрьев*; названиями эпизодов евангельской истории — *Рождества Богородицы, Воскресенский*; названиями икон — *Владимирской иконы Божией Матери*. Кроме того, показано, что церковные наименования монастырей отличаются от их версий, бытующих в речи новгородцев: последние всегда однословны, тогда как церковные преимущественно многословны. В плане ономастического потенциала названия монастырей Великого Новгорода рассмотрены в трех группах в зависимости от расположения монастырей в городском пространстве; показано, как каждая группа мотивирует разные урбанимы: городские монастыри — годонимы (улицы и переулки *Десятинные, Лазаревские, улица Розважа*), «окологородние», вошедшие в черту города — хоронимы (*Антоново, Колмово*), а находящиеся за чертой города — дромонимы и (реже) годонимы (*Вяжицкий проезд, Юрьевское и Сырковское шоссе, улица Хутынская*). Подчеркнуто, что ономастический потенциал названий новгородских монастырей реализован не только в прошлом, от них образуются имена новых городских

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и администрации Новгородской области в рамках научного проекта № 18-412-530002 «Ономастический портрет Великого Новгорода: диалектика древнего и актуального».

объектов — *Деревяницкий мост*, микрорайон *Аркажи*, кафе и гостиница *«Антоново»*. В заключении указывается, что полученные результаты могут быть использованы при изучении экклезионимиков других, особенно древних, российских городов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: городской ономастикон, Великий Новгород, названия монастырей, производные городские имена, экклезионимы, годонимы, хоронимы, эргонимы.

Введение

Изучение городского ономастикона приобретает в отечественной лингвистике все более ощутимый вес. Сегодня трудно назвать город, об именах которого (урбанонимах [Подольская, 1988, 139]) не было написано хотя бы одной статьи. В научный оборот введены городские имена Москвы, Петербурга, Уфы, Екатеринбурга, Омска, Томска, Абакана, Ярославля, Рыбинска... При множестве опубликованных работ (по моим подсчетам, их уже почти 1 000) говорить об исчерпанности темы не приходится.

Структура городского ономастикона, соотношение и взаимосвязь его фрагментов — важнейшая проблема городской ономастики, решение этой проблемы зависит и от полноты анализа урбанонимии в ее типологическом аспекте. В связи с этим весьма важным оказывается фокусирование внимания на таком элементе урбанонимии, как экклезионим — «собственное имя места совершения обряда, места поклонения любой религии; в том числе церкви, часовни, креста, монастыря» [Подольская, 1988, 149].

Очевидно, что не все такие «места» привязаны к городу, есть и сельские церкви, и отдаленные от городов монастыри. Но очевидно и то, что пространство российского города невозможно представить без таких сооружений, как церковь, часовня, монастырь. В большей степени это относится к городу дореволюционному, где не только самих церквей было намного больше, чем сейчас, но и улицы, и площади носили имена, образованные от их наименований. Советская власть свела к минимуму этот фрагмент ономастикона — переименованием площадей и улиц, а то и уничтожением храмов. Масштабы этих изменений отражает, в частности, словарь [Поспелов, 1993], где можно узнать, например, что в Петрограде *Благовещенская* площадь в 1918 г. стала площадью *Труда*, а десять *Рождественских* улиц в 1923 г. — *Советскими* [Там же, 208, 218]. Такие переименования произошли во всех городах.

В начале 1990-х гг. городской ономастикон пережил процесс десоветизации, результатом которой стало возвращение дореволюционных, в том числе и церковных имен. Это произошло на фоне возрождения православия — открытия храмов, включения православной тематики в медиадискурс, историческую и краеведческую литературу.

Эти изменения получили отражение в работах лингвистов. Одна из первых таких работ посвящена московским храмам [Бурак и др., 2006]. В 2008 г. в Самаре

защищена кандидатская диссертация [Арина, 2008], где предложена типология экклезионимов по характеру их мотивированности: 1) агнионимами, как в случае *Церковь во имя преподобного Серафима Саровского*; 2) зортонимами — *Воскресенская церковь* (в словаре Н. В. Подольской — *геортоним*); 3) иконимами — *Церковь в честь иконы Казанской Божьей Матери* (в словаре Н. В. Подольской такого термина нет, он, видимо, создан автором диссертации). Отмечено, что такие наименования осложняются «дополнительными идентифицирующими компонентами» — топонимами или указаниями на назначение: *Церковь Космы и Дамиана во Вражках, Полковая церковь при 130-м запасном пехотном полку*. Отмечена вариативность экклезионимов — *Церковь в честь иконы Казанской Божьей Матери / Казанская церковь*.

Вскоре защищается докторская диссертация [Бугаева, 2010], одна из ее глав посвящена сакральной ономастике, которую составляют агнионимы — имена собственные с семой святости. Среди них описываются интересные для рассматриваемой проблемы наименования монастырей, где отмечено, что полные названия включают указание на статус обителя (*монастырь, лавра, пустынь, подворье*) и элементы, из которых в разных комбинациях складываются названия монастырей: престольный номинатор, имя основателя / подвижника и топоним. В работе подчеркнута, что от агнионимов образуются цепочки производных имен собственных — астионимы, комонимы, годонимы и агоронимы.

Обобщая опыт этих работ и статей, опубликованных в ходе их подготовки (например, [Бугаева, 2007]), следует сказать, что изучение наименований храмов и монастырей уже сложилось в ономастическую традицию. В ее рамках выявилась недостаточность термина *эккезионим*. Так, И. В. Бугаева наряду с ним использует термин *храмоним* ‘название храма’, видимо, образованный ею по терминологической модели, но со славянским корнем. Но тогда и название монастыря должно быть обозначено особым ономастическим термином, хотя такого термина не предложено. Если Е. П. Арина вслед за Н. В. Подольской термин *агнионим* использует в значении ‘имя святого’, то И. В. Бугаева расширяет его значение до ‘имя, связанное со святостью’, а для имени святого вводит термин *агиоантропоним*. В обеих работах подчеркнута, что наряду с полным названием храма или монастыря в речи существуют его редуцированные или метонимические наименования. Так, официальное наименование *Свято-Троице-Сергиева лавра* в речи звучит как *Сергиева лавра*, а когда говорят «к Матронушке», то имеют в виду Свято-Покровский монастырь в Москве, где находятся мощи блаженной Матроны Московской. Разработаны принципы мотивированности имен обителей. Обращено внимание и на связь экклезионимов с урбанонимами.

В последние годы публикуются работы об экклезионимах и мотивированных ими урбанонимах в разных городах. В одних случаях речь идет о дореволюционных названиях, на месте которых сейчас иные имена, как в Тамбове [Асанов, 2014], в других — о современных [Данильченко, 2016; Коренева, 2018].

Последовательно изучают такого рода онимы в Белоруссии [см. Борисевич, 2012; Лукина, 2015; 2017; 2018]. Важно отметить публикацию, посвященную анализу названий московских монастырей, автор которой опирается на классификацию И. В. Бугаевой [Коренева, 2019].

Таким образом, в современной ономастике сложилось особое направление — экклезионимика, исследование экклезионимии — онимов, именующих объекты религиозного назначения (храмы, часовни, монастыри) [Лукина, 2017; 2018; Коренева, 2018, 142]. В рамках изучения городского ономастикона изучается не только экклезионимикон города, но и связанные с ним другие городские имена — годонимикон, эргонимикон. Проблема изучения экклезионимикона современного российского города может обсуждаться как в общем теоретическом плане, так и по отношению к урбанонимии конкретного города. Именно такой тип исследования представляет собой настоящая работа.

Постановка проблемы

В Великом Новгороде множество храмов и монастырей поражало приезжавших в город. Удивительно, но в советское время храмы в городе почти не уничтожали, хотя практически все они были закрыты, или, как тогда говорили, перепрофилированы. Более того, церкви, разрушенные во время войны¹, в том числе на территориях бывших монастырей, были восстановлены в послевоенные годы. В начале 1990-х гг. в городе вновь открылись храмы, возобновилась жизнь в некоторых монастырях и были возвращены названия сорока улиц, в том числе образованных от экклезионимов, что существенно изменило состав городских имен.

В настоящей работе ставится задача представить православный фрагмент ономастикона Великого Новгорода, точнее ту его часть, которая формируется названиями монастырей и городскими именами, производными от них (другая его часть — имена храмов — рассмотрена в [Шмелева, 2019]). Решение этой задачи опирается на опыт исследователей (И. В. Бугаевой, Е. П. Арининой, Ю. В. Кореневой, О. А. Лукиной), с одной стороны, с другой — на наблюдения над именами собственными Великого Новгорода и известные публикации о новгородских монастырях в рамках научного и медийного дискурсов.

К источникам информации о новгородских монастырях относятся «Прибавление второе» к «Историческим разговорам о древностях Великого Новгорода» Евгения (Болховитинова) [2009, 102–110], путеводитель по Новгороду 1910 г.,

¹ Здесь и далее речь идет о Великой Отечественной войне (1941–1945), во время которой Новгород был оккупирован (с августа 1941 г. до января 1944 г.) и практически разрушен, монастыри сильно пострадали, поскольку в них устраивались немецкие огневые точки, располагались войска, и потому по ним велся артиллерийский огонь и бомбардировки с воздуха.

переизданный почти сто лет спустя [Ласковский, 2007], фундаментальное исследование [Секретарь, 2011], а также медийные публикации, например в областной газете «Новгородские ведомости» [Богданов, 2010; Дубовицкая, 2010; 2011]. Поскольку ономастического термина для обозначения названий монастырей не предложено, в работе используется описательное обозначение, вынесенное в название статьи.

Анализ материала

Дореволюционный Новгород был не только заполнен монастырями, но и окружен ими. Число городских и «окологородних», как называл их Евгений (Болховитинов) [2009, 103], монастырей менялось, но если учитывать все, которые существовали, то приводится число более 60 [Секретарь, 2011, 11]. Здесь анализируются такие из них, которые значимы для городского ономастикона, — это чуть более десятка монастырей. При этом выявляются два аспекта анализа имен монастырей.

Первый обращен к мотивированности названия. Вообще монастыри именуются по главному храму, и их названия мотивированы именно им; это обязательный элемент их наименования, но, как правило, не единственный. Учитывая двойное существование имен — в церковном обиходе и в городской речи, — можно убедиться в их разной мотивированности, что требует их отдельного рассмотрения.

Второй аспект анализа названий монастырей касается их ономастического потенциала — возможности образования от них урбанонимов, в частности имен улиц, переулков и районов города, что проверяется по справочнику [Запольская, Моисеев, 2010].

Из экстралингвистических данных принимается во внимание, действующий ли это монастырь, сохранились ли его храмы и постройки, поскольку это некоторым образом влияет на присутствие экклезионима и производных от него урбанонимов в городском ономастиконе.

Церковные названия отличаются семантической и формальной сложностью. Два из них представляют собой сложные слова — это *Свято-Духов монастырь*, впервые упоминающийся в Новгородской первой летописи в 1162 г. [Секретарь, 2011, 318] (от него остались два храма, в которых располагаются новгородские архивы), и *Свято-Юрьев монастырь*, восстановленный и действующий, в котором расположено духовное училище. Оба названия прозрачны: первый отсылает к представлениям о Святом Духе, второй — к имени святого Георгия, во имя которого в 1119 г. заложен главный храм монастыря — Георгиевский собор [Там же, 124]. При близости формы (притяжательное прилагательное, осложненное элементом *свято-*) названия различаются в плане мотивированности: первое мотивировано теонимом [Подольская, 1988, 149] *Святой Дух* (ипостась Бога); а второе — агионимом *святой Георгий*. Следует отметить и тот факт, что название

второго монастыря оформлено как притяжательное прилагательное от русской версии имени — *Юрьев*, тогда как в наименовании *Георгиевский собор* основа прилагательного — в церковнославянской версии. Причина такого расхождения понятна: название монастыря стало новгородским топонимом, оно «обкатано» русской речью, пережило отказ от инициального <γ>, ликвидацию хиатуса <eo>, <ии> [Шмелева, 2017] и упрощение групп согласных <рг>, приобретя в итоге форму, удобную для русского произношения.

Другие церковные наименования новгородских монастырей (их девять) оказываются многословными. В одних случаях название в виде словосочетания в форме родительного падежа осложняется именем основателя — *Рождества Богородицы Антониев* (в название монастыря, основанного в 1106 г., входит имя Антония Римлянина); *Владимирской иконы Божией Матери Сырков* (в наименовании обители, основанной в XVI в., фигурирует фамилия ее основателя — новгородского гостя, выходца из Москвы Федора Дмитриевича Сыркова [Секретарь, 2011, 133]); в других оно сочетается с топонимом — *Рождества Богородицы Десятинный*.

Довольно часто церковный элемент оформляется в виде прилагательного — *Николаевский Вяжицкий*², *Воскресенский Мячинский* и *Воскресенский Деревяницкий*, *Покровский Зверин*, *Успенский Колмов*, *Спасо-Преображенский Хутынский*. Кроме первого, названия этих монастырей мотивированы названиями евангельских событий, память о которых отмечается церковными праздниками — Рождества Богородицы, Успения Богородицы, Покрова, Воскресения Господня, Уверения Фомы в Воскресение Господне, Спаса Преображения.

Среди топонимов, входящих в названия новгородских монастырей, — гидронимы, ойконимы и названия городских территорий. Так, гидроним *Мячино озеро* мотивирует топонимическую часть названия монастыря *Воскресенский Мячинский* («на Мячине, с Гончарного конца»), впервые упоминаемого в Новгородской первой летописи в 1136 г. и упраздненного в 1743 г., его храмы — *Уверения Фомы в Воскресение Господне* и *Иоанна Милостивого* — оставались как приходские, сильно пострадали во время войны, были восстановлены в 1961–1962 гг. [Секретарь, 2011, 160–162]. Название речки *Деревяница* (сейчас *Деревянка*), мотивирует топонимический элемент названия *Воскресенского Деревяницкого монастыря*, поставленного на ее берегу в XIV в., сейчас не действующего, но украшающего местность двумя величавыми храмами [Там же, 150]. Название *Успенского Колмова монастыря*, основанного в начале XIV в. [Там же, 416], опосредованно мотивируется гидронимом *Колмов ручей*, сначала давшим название местности, а затем — монастырю.

² Название этого монастыря включает еще и слово *ставропигиальный*, что означает ‘подчиняющийся только Синоду’; оно используется и в прессе [Дубовицкая, 2011]. Кстати, «в России 28 ставропигиальных монастырей, половина из них — в Москве» [Коренева, 2019].

Названия двух действующих монастырей — *Спасо-Преображенского Хутынского* и *Николаевского Вяжицкого* — в топонимической составляющей мотивированы названиями деревень *Ху́тынъ* и *Вяжи́ци*, рядом с которыми они построены.

Названия остальных двух монастырей мотивированы уже не существующими городскими топонимами и оказываются хранителями этих наименований. Название *Рождества Богородицы Десятинного монастыря*, основанного XIV в., по предположению Л. А. Секретарь, мотивировано топонимом *Десятина*, так называли место сбора церковного налога — десятины, в Новгородской первой летописи — «монастырь святые богородицы в десятине» [Секретарь, 2011, 284]. Монастырь не действующий, но посещаемый: здесь происходят культурные события, так как на территории монастыря расположен Государственный музей художественной культуры Новгородской области — два выставочных зала, где экспонируют работы новгородских художников и фотографов.

Название *Покровского Звёрина монастыря*, от которого остались действующий Покровский храм и церковь Симеона Богоприимца, хранит память о топониме, именовавшем существовавший здесь еще в XI в. зверинец — место, где держали зверей для княжеской охоты. В Новгородской первой летописи под 1148 г. монастырь фиксируется как *Зверинцевский* [Секретарь, 2011, 229], в начале XIX в. — как *Зверинский* [Евгений (Болховитинов), 2009, 103], что свидетельствует о постепенном упрощении морфемной структуры прилагательного, видимо, в связи с тем, что в памяти горожан зверинец не сохранялся; в начале XX в. это уже *Зверин монастырь* [Ласковский, 2007, 22].

Итак, церковные наименования большинства монастырей оказываются мотивированными несколькими названиями, при этом в большинстве случаев взаимодействуют собственно церковный и топонимический мотиваторы.

Следует отметить, что для этих названий монастырей характерна вариативность; так, *Воскресенский Мячинский монастырь* иначе назывался *Воскресенским в Гончарном конце*, *Успенский Колмов* — *в Колмове*. И сегодня *Спасо-Преображенский Хутынский монастырь* иногда именуют *Варлаамо-Хутынский*, с упоминанием имени его основателя, преподобного Варлаама. *Николо-Вяжицкий* — такое название фигурирует на дорожном указателе, а прилагательное *Вяжицкий* в начале XIX в. имело вид *Вяжицкой* [Евгений (Болховитинов), 2009, 104].

Названия монастырей как городские имена. Все городские названия монастырей мотивированы церковными и оказываются их редуцированными вариантами, при этом редуцируется церковный элемент, а единственным становится топонимический. Все такие топонимы однословные, что неудивительно, ведь разговорная речь стремится к однословному именованию (это один из ее признаков). Важно, что по форме все они — прилагательные: одни притяжательные — *Антониев*, *Юрьев*, *Духов*, к ним примыкают *Сырков*, *Колмов*, *Зверин*; другие относительные — *Десятинный*, *Воскресенский*, *Деревяницкий*, *Хутынский*,

Вязицкий. Интересно, что от единственного названия образуется субстантив на -к(а): *Десятинный* > *Десятинка* («— А где эта выставка? — Да в Десятинке»).

Таким образом, экклезионимы становятся органичной частью городской топонимии, претерпевая сокращение до одного слова. Однословность названий монастырей и форма прилагательного обеспечивают удобство обращения с ними в речи.

Ономастический потенциал названий монастырей проявляется в образовании от них урбанонимов. Наличие и характер производных городских имен зависят от местонахождения монастыря, что требует рассматривать отдельно городские монастыри и «окологородные», среди которых есть вошедшие в территорию современного города и остающиеся за ее пределами.

Названия городских монастырей мотивируют имена улиц. Так, улица, идущая вдоль Десятинного монастыря, образована в начале XIX в. и тогда носила название *Десятинская* (по законам образования относительных прилагательных), затем стала одноименной с монастырем — *Десятинной*, значит, метонимия оказалась удобнее суффиксального способа образования. Название уцелело при советской власти и до сих пор представлено на карте города, а в устной речи часто звучит как *Десятинка* («У нее квартира на Десятинке»). Рядом с улицей — три *Десятинных* переулка, образованные в послевоенное время [Запольская, Моисеев, 2010, 52–54].

Идущую от Зверина монастыря улицу называли в начале XX в. *Зверинской*; в 1965 г. ее переименовали в улицу *им. А. Ф. Бредова* (Героя Советского Союза); в 1991 г. название возвращено, но в виде *Звериная*, а с 1993 г. она носит двойное название — *Бредова-Звериная*, которое возникло в результате компромисса между теми, кто считал, что улицам надо вернуть их подлинные названия, и теми, кто полагал, что улицы должны нести память о героях, отдавших свою жизнь за освобождение города [Запольская, Моисеев, 2010, 35].

Аналогично решается судьба улицы *Духовской*, сложившейся в XIX в. и так называвшейся до 1965 г.; по случаю 20-летия Победы ее переименовали в память Героя Советского Союза Мусы Джалиля; в 1991 г. ей вернули название *Духовская*, а через два года дали «компромиссное» — улица *Мусы Джалиля-Духовская* [Запольская, Моисеев, 2010, 54]. В разговорной речи, естественно, звучит только вторая часть, так же объявляют остановку в автобусах³.

³ Стоит особого замечания ударение этого годонима на флексии, что характерно для русских прилагательных в отличие от церковнославянских, ср. *святой* / *святой*. Вообще в русском языке в таких парах флексия *-ый* присутствует в номенклатурных официальных названиях, а *-ой* — в неофициальных, разговорных, ср. *запасный выход* / *запасной вариант* (подробно об этом феномене см. [Мишланов, 2009]). Можно отметить, что в новгородском ономастиконе есть еще два таких годонима — улицы *Шимская* и *Чудовская*, тогда как, говоря об администрации соответствующих районов, скажут *Шимская* и *Чудовская*. Эти названия противопоставлены как номенклатурные и разговорные, тогда как в паре *Духовский* / *Духовской* противопоставляются церковная и народная номинации.

Улицы *Лазаревская* и *Розважа* отличаются от предыдущих тем, что монастырей, связанных с ними, в городской среде нет. Имя первой напоминает о *Лазаревом монастыре*, от которого она направлялась к Духову монастырю [Запольская, Моисеев, 2010, 77]; монастырь, основанный, по предположениям, в XI в., был упразднен в 1764 г., а Лазаревская церковь оставалась приходской и была разрушена в 1929 г. [Секретарь, 2011, 318]. От улицы отходит *Лазаревский* переулок — до набережной р. Гзень. Так название уже не существующего монастыря дважды повторяется в современном ономастиконе — оба раза в форме прилагательного. Надо сказать, что в этом месте было «созвездие» рядом расположенных монастырей — Зверин, Николо-Бельский и Лазарев; сейчас же оно связано у горожан с Покровским собором, военкоматом и недавно поставленным памятником Петру и Февронье.

Имя улицы *Розважа* возвращено на карту города в 1991 г., заменив собой советское имя — улицу *Максима Горького*. При этом значение возвращенного названия никто не разъяснял. Его непонятная современникам форма вызвала к жизни народную этимологию, результаты которой зафиксированы в советском справочнике: «По ней от пристани развозили грузы и товары» [Зайцев, Кушнир, 1980, 39] — и распространялись в популярной и учебной литературе. С учетом того что в древности пристань была на Торговой стороне, на Буяней улице, доверия такая версия не вызывала. Сомнения были развеяны В. Л. Васильевым, доказавшим, что *Розважа* — притяжательное прилагательное от древнего славянского имени *Розвад*, что убедительно на фоне множества деантропонимных названий улиц в древнем Новгороде — *Данславля*, *Людогоща* и др. [Васильев, 2005, 338–339]. Имя этой улицы не было бы связано с православием, если бы в 1555 г. Федор Сырков не основал на ней монастырь, который стал именоваться *Николаевский на Розваже улице*, или *Разважский монастырь*, он упразднен в 1764 г., позднее на его месте располагался военный госпиталь, сейчас — парк [Секретарь, 2011, 538–540]. Таким образом, имя улицы хранит и память о монастыре.

«Окологородные» монастыри, вошедшие в городскую территорию, отличались тем, что обстоятельства жизни вызывали появление рядом с ними слобод, жители которых обслуживали потребности монастыря. Единственная сохранившаяся такая слобода находится у *Воскресенского монастыря* и называется *Воскресенская*. На карте современного города она обозначена именно так, так же обозначены адреса на домах. Стоящая совсем рядом с городом, сразу за валом, эта слобода производит впечатление сельской местности, тихого уголка на берегу Мячинского озера. Интересно, что в 1919 г. она была переименована в слободу *25 октября* — в честь Октябрьской революции, в 1924 г. включена в городскую черту. Когда название было возвращено, неизвестно [Запольская, Моисеев, 2010, 155]. К этому названию примкнуло и имя *Воскресенского* бульвара, появившееся на карте города в 2010 г. После того как Великий Новгород стал городом Воинской

славы, на проспекте *Маркса* была воздвигнута стела, а проспект решено было переименовать в проспект *Воинской Славы*, что вызвало сопротивление и топонимической комиссии, и жителей города. После долгих обсуждений на голосование среди других было вынесено и название *Воскресенский* бульвар, оно и оказалось выбранным по итогам голосования. О *Воскресенской слободе* никто не вспомнил, а многие и не знают этот почти загородный топоним. И хотя часть новгородцев до сих пор считает этот выбор не лучшим, имя включилось в городской ономастикон и объективно входит в его православную часть.

Антониев монастырь, основанный в 1106 г., дал названия *Антониевской* слободе, набережной и улице [Запольская, Моисеев, 2010, 155]. К XX в. название слободы русифицировалось — она стала *Антоновской*. Во время войны она была уничтожена, и на ее месте в 1947 г. разбили Парк 30-летия Октября. А позже в стороне был построен микрорайон, получивший название *Антоново* — типичный ойконим, производный от названия слободы и ставший городским хоронимом. Здесь важно подчеркнуть, что в наши дни Антоново включает и территорию бывшего монастыря (ныне там располагается Гуманитарный институт НовГУ): это официальный адрес университетского корпуса, он же используется в устной речи новгородцев («Где это будет? — В Антонове / в Антоново»); при возрожденной церкви Сретения Господня, которая стала университетским храмом, организован учебно-научный духовно-просветительский центр «Сретение в Антонове» [<http://vn-sretenie.cerkov.ru>], имя «Антоново» носит и инновационный научный центр НовГУ. На территории бывшего монастыря работают кафе и гостиница «Антоново». Так имя слободы стало именем ряда городских объектов, но все они, безусловно, осознаются как производные от названия монастыря, архитектурно сохранившегося и хорошо известного в городе. Что касается улицы, она стала *Студенческой*, а набережной больше нет.

Деревня *Колмово*, возникшая при *Колмовском монастыре*, стала микрорайоном города, от его названия образовано название *Колмовского* моста, *Колмовской* набережной и бизнес-центра «*Kolmovo City*».

Возникшая при *Деревяницком монастыре* *Деревяницкая* слобода [Секретарь, 2011, 154] стала микрорайоном Новгорода с характерным названием *Деревяницы* (ср. другие пригороды Новгорода — *Кречевицы*, *Новоселицы*). От этого хоронима образовано название моста через Волхов — *Деревяницкий* (хотя в речевом обиходе его называют *Третьим*).

Другие «окологородние» монастыри — *Юрьев*, *Хутынский*, *Вяжицкий* и *Сырков* (первые три — действующие) — остаются за пределами города. У первого была слобода, получившая от него название *Юрьевская*, ныне это деревня *Юрьево* (ср. *Антоново*), жители ее подчеркивают свою особость: «Мы не поозёры, мы слободские». Рядом с Сырковым монастырем выросла деревня *Сырково*.

Хутынский и Вяжицкий монастыри, как уже сказано, возникли рядом с деревнями, имена которых отражаются в топонимической части экклезионимов.

Эти монастыри связаны с городом дорогами, которые именуется по их названиям, — *Юрьевское* и *Сырковское* шоссе, *Вяжицкий* проезд, *Хутынская* улица. Такие названия типичны для улиц российских городов, ср. *Тверская* улица в Москве — по направлению к Твери, в Новгороде есть улица *Нехинская* (в направлении деревни Нехино). Семантика ‘идуший в сторону объекта, названного мотивирующей основой’ в таких названиях отличает их от имен улиц, образованных от названий городских монастырей: те толкуются по формулам ‘идуший вдоль объекта, названного мотивирующей основой’ или ‘идуший от объекта, названного мотивирующей основой’. Кроме того, горожане называют *Юрьевским* пляж на берегу Волхова, прямо под стенами монастыря; на обратном пути из Юрьева монастыря в город построен бутик-отель с рестораном «*Юрьевское подворье*» — место, популярное среди новгородцев, особенно для проведения торжеств; когда в Новгороде действовал аэропорт, он носил название «*Юрьево*».

Выводы

Итак, названия новгородских монастырей входят в городской ономастикон в неофициальных вариантах, которые обладают ономастическим потенциалом, зависящим от положения монастыря по отношению к городу: от названий городских монастырей образуются имена улиц и переулков, от названий загородных — ойконимы, которые превратились в хоронимы, а также названия шоссе, проездов, мостов (в целом два десятка урбанонимов).

Важно отметить, что если в городском ономастиконе присутствуют имена 11 монастырей, то в качестве мотивирующих для городских имен их 14, так как в городских именах фигурируют названия уже не существующих монастырей. К таким именам относится и новейший хороним *Аркажи́*, обозначающий новый микрорайон поблизости от уже не существующего монастыря (там был аэропорт «Юрьево»). Это производное от имени основателя монастыря и его игумена *Аркадия*, который в 1157 г. избирался новгородским архиепископом [Секретарь, 2011, 569]: *Аркадий* > *Аркажский монастырь* > *Аркаж* (упоминается именно так в [Евгений (Болховитинов), 2009, 105]) > *Аркажи*.

Все эти факты позволяют сделать вывод о том, что названия монастырей — не только значимая часть новгородского ономастикона, но и ресурс его урбанонимии. Чтобы понять, как эта проблема выглядит в ономастиконе других городов, необходимы исследования, в которых может быть использован опыт настоящей работы.

Источники

- Богданов В. Украшение земли Новгородской // Новгородские ведомости. 10.04.2010. С. 10.
Дубовицкая С. Тайны Колмовской церкви // Новгородские ведомости. 20.11.2010. С. 10.

- Дубовицкая С.* Крепость духа. Николо-Вязищский ставропигиальный монастырь отпраздновал свое 600-летие // Новгородские ведомости. 19–25.09.2011. С. 10–11.
- Евгений (Болховитинов).* Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода (1808) / сост. С. А. Коварская, Н. И. Морылева, Ю. А. Прокофьев и др. ; вступ. ст. Л. А. Секретарь, А. А. Селин. Великий Новгород : [б. и.], 2009.
- Зайцев И. А., Кушнир И. И.* Улицы Новгорода : справочник. 2-е изд., испр. и доп. Л. : Лениздат, 1980.
- Запольская О. В., Моисеев С. В.* Улицы Великого Новгорода : справочник. Великий Новгород : [б. и.], 2010.
- Ласковский В. П.* Путеводитель по Новгороду. Софийская сторона. СПб. : Алаборг, 2007.
- Подольская Н. В.* Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Наука, 1988.
- Поспелов Е. М.* Имена городов: вчера и сегодня (1917–1992) : топонимический словарь. М. : Русские словари, 1993.
- Секретарь Л. А.* Монастыри Великого Новгорода и его окрестностей. М. : Северный паломник, 2011.

Исследования

- Аринина Е. П.* Содержательное и структурное своеобразие русских экклезионимов в типологическом аспекте : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Самар. гос. ун-т. Самара, 2008.
- Асанов А. Ю.* Экклезионимы на карте современного города Тамбова // Вестник Тамбовского университета. Сер. «Гуманитарные науки». 2014. № 9 (137). С. 170–174.
- Борисевич О. А.* Экклезионимия Беларуси: структурный, номинативный, лингвогеографический аспекты : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / Витеб. гос. ун-т. Витебск, 2012.
- Бугаева И. В.* Фоновая семантика топонимов // Вестник Тамбовского университета. Сер. «Гуманитарные науки». 2007. № 4 (48). С. 13–17.
- Бугаева И. В.* Язык православной сферы: современное состояние, тенденции развития : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина. М., 2010.
- Бурак Е. Ю., Сапронова Т. Ф., Смолицкая Г. П.* Названия московских храмов. 2-е изд. М. : Наука : Флинта, 2006.
- Васильев В. Л.* Архаическая топонимия Новгородской земли (Древнеславянские деантропонимные образования). Великий Новгород : НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2005.
- Данильченко А. Е.* Экклезионимы Кубани // Богослужебные практики и культовые искусства в полиэтническом регионе : сб. материалов междунар. науч. конф. / ред.-сост. С. И. Хватова. Майкоп : Магарин, 2016. С. 873–886.
- Коренева Ю. В.* Религиозная топонимика центра Москвы // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации : сб. науч. тр. по итогам междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию со дня рождения К. А. Войловой / отв. ред. О. В. Шаталова. М. : ИИУ МГОУ, 2018. С. 139–145.
- Коренева Ю. В.* Наименования монастырей Москвы: особенности структуры и семантики // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации : сб. науч. тр. по итогам междунар. науч. конф., посвящ. памяти К. А. Войловой / отв. ред. О. В. Шаталова. М. : МГОУ, 2019. С. 116–121.
- Лукина О. А.* Агионим — экклезионим: проблемы взаимодействия (на материале названий культовых сооружений Беларуси) // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. А : Гуманитарные науки. 2015. № 10. С. 100–104.
- Лукина О. А.* Становление восточнославянской экклезионимики // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. А : Гуманитарные науки. 2017. № 2. С. 97–101.
- Лукина О. А.* Экклезионимика как наука: предмет, история, перспективы развития // Ученые записки УО ВГУ им. П. М. Машерова. 2018. Т. 25. С. 142–148.
- Мишланов В. А.* Церковнославянское и русское в современном правописании // Кириллица — латиница — гражданца / отв. ред. Т. В. Шмелева. Великий Новгород : НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2009. С. 243–245.

- Шмелева Т. В.* Хиатус в истории русского языка и современной произносительной практике // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2017. № 1 (9). С. 1–5.
- Шмелева Т. В.* Имена новгородских храмов в современном ономастиконе // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2019. № 2 (20). С. 1–4.

Рукопись поступила в редакцию 07.07.2019

* * *

Шмелева Татьяна Викторовна

доктор филологических наук,
профессор кафедры журналистики
Новгородский государственный университет
им. Ярослава Мудрого
173014 Великий Новгород, Антоново, 1,
ауд. 1212
E-mail: szmiel@mail.ru

Shmeleva, Tatyana Viktorovna

DrHab, Professor, Department of Journalism
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
1, Antonovo, office 1212
173014 Veliky Novgorod, Russia
Email: szmiel@mail.ru

Tatyana V. Shmeleva

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
Veliky Novgorod, Russia

NAMES OF MONASTERIES IN THE NOVGOROD ONOMASTICON

The paper analyzes a specific segment of the Novgorod onomasticon represented by the names of monasteries (ecclesionyms) and city names derived from them. The author gives an overview of similar studies on church names, including those based on Belarusian examples, noting that all the reviewed publications argue that ecclesionymy should be regarded as a special field of onomastic research. The present case focuses on the names of the Orthodox monasteries of Veliky Novgorod and its immediate surroundings analyzed in relation to their motivation. Specifically, some of them are coming from saints' names (hagionyms) (e.g. *Antoniev, Yuryev*), some may refer to the names of episodes of the gospel history (e.g. *the Nativity of the Virgin, the Resurrection*), or replicate the names of icons (e.g. *Vladimir Icon of the Mother of God*). There is also a persistent difference between the official names of the monasteries and their colloquial variants in everyday discourse: the latter are mostly reduced to one word, while the former usually consist of several words. In terms of onomastic potential, the names of the monasteries of Veliky Novgorod are considered in three groups according to the monasteries' location in the urban space: city monasteries giving names to streets and lanes within the city (*Desyatiny, Lazarevsky, Rozvazha*); monasteries outside the city that gave the names of suburban territories (which have become a part of the city and are now used as names of districts, e.g. *Antonovo, Kolmovo*), and monasteries outside the city that give names to roads and passages or (less commonly) to streets (*Vyazhishchsky* passage, *Yuryevskoye* and *Syrkovskoye* highways, *Khutynskaya* street). It is noted that Novgorod monasteries retain their onomastic potential up to this day, as new city

objects appear to be named after them, such as *Derevyanitsky* bridge, *Arkazhi* neighbourhood, *Antonovo* cafe and hotel. In conclusion, the author outlines the prospects of using the obtained results in studying the ecclesionymy of other Russian cities, particularly the ancient ones.

Key words: Russian language, urban onomastics, Veliky Novgorod, names of monasteries, derivative city names, ecclesionyms, hodonyms, names of districts, ergonyms.

Acknowledgements

The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research and the Administration of the Novgorod Region in the framework of the research project No. 18-412-530002 “Onomastic Portrait of Veliky Novgorod: Dialectics of the Ancient and the Modern”.

- Arinina, E. P. (2008). *Soderzhatel'noe i strukturnoe svoeobrazie russkikh ekklezionimov v tipologicheskoy aspekte* [The Content and Structural Originality of Russian Ecclesionymy in a Typological Aspect] (unpublished doctoral dissertation). Samara State University, Samara.
- Asanov, A. Yu. (2014). Ekklezionimy na karte sovremennogo goroda Tambova [Ecclesionyms on the Modern Map of Tambov]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser. "Gumanitarnye nauki"*, 9, 170–174.
- Borisevich, O. A. (2012). *Ekklezionimiia Belarusi: strukturnyye, nominativnyye, lingvogeograficheskiye aspekty* [Ecclesionymy of Belarus: Structural, Nominative, Linguo-Geographical Aspects] (unpublished doctoral dissertation). Vitebsk State University, Vitebsk.
- Bugaeva, I. V. (2007). Fonovaya semantika toponimov [Background Semantics of Toponyms]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser. "Gumanitarnye nauki"*, 4, 13–17.
- Bugaeva, I. V. (2010). *Yazyk pravoslavnoi sfery: sovremennoe sostoyaniye, tendentsii razvitiia* [The Language of the Orthodox Sphere: Current Status, Development Trends] (unpublished doctoral dissertation). Pushkin State Russian Language Institute, Moscow.
- Burak, E. Yu., Sapronova, T. F., & Smolitskaia, G. P. (2006). *Nazvaniia moskovskikh khramov* [The Names of Moscow Churches] (2nd ed.). Moscow: Nauka; Flinta.
- Danilchenko, A. E. (2016). Ekklezionimy Kubani [Ecclesionymy of the Kuban Region]. In S. I. Khvatova (Ed.), *Bogoslužebnyye praktiki i kul'tovyye iskusstva v polietnicheskoy regione* [Liturgical Practices and Religious Arts in a Multi-ethnic Region] (pp. 873–886). Maikop: Magarin.
- Koreneva, Yu. V. (2018). Religioznaia toponimika tsentra Moskvy [Religious Place Names of the Center of Moscow]. In O. V. Shatalova (Ed.), *Russkii yazyk v slavianskoy mezhkul'turnoy kommunikatsii* [Russian Language in Slavic Intercultural Communication] (pp. 139–145). Moscow: IIU MGOU.
- Koreneva, Yu. V. (2019). Naimenovaniia monastyrei Moskvy: osobennosti struktury i semantiki [Names of Monasteries in Moscow: Structural and Semantic Features]. In O. V. Shatalova (Ed.), *Russkii yazyk v slavianskoy mezhkul'turnoy kommunikatsii* [Russian Language in Slavic Intercultural Communication] (pp. 116–121). Moscow: MGOU.
- Lukina, O. A. (2015). Agionim — ekklezionim: problemy vzaimodeistviia (na materiale nazvaniy kul'tovykh sooruzheniy Belarusi) [Hagionymy — Ecclesionymy: Problems of Interaction (based on the Names of Places of Worship in Belarus)]. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. A: Gumanitarnye nauki*, 10, 100–104.
- Lukina, O. A. (2017). Stanovleniye vostochnoslavianskoy ekklezionimiki [The Formation of East Slavic Ecclesionymy]. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. A: Gumanitarnye nauki*, 2, 97–101.
- Lukina, O. A. (2018). Ekklezionimika kak nauka: predmet, istoriia, perspektivy razvitiia [Ecclesionymy as a Science: Subject, History, Development]. *Uchenye zapiski UO VGU im. P. M. Masherova*, 25, 142–148.

- Mishlanov, V. A. (2009). Tserkovnoslavianskoe i russkoe v sovremennom pravopisanii [Church Slavonic and Russian in Modern Spelling]. In T. V. Shmeleva (Ed.), *Kirillitsa — latinitsa — grazhdanitsa* [Cyrillic — Latin — *Grazhdanitsa*] (pp. 243–245). Veliky Novgorod: NovGU im. Iaroslava Mudrogo.
- Shmeleva, T. V. (2017). Khiatus v istorii russkogo iazyka i sovremennoi proiznositel'noi praktike [Hiatus in the History of the Russian Language and Modern Pronunciation]. *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1, 1–5.
- Shmeleva, T. V. (2019). Imena novgorodskikh khramov v sovremennom onomastikone [Names of Novgorod Churches in Modern Onomasticon]. *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2, 1–4.
- Vasilyev, V. L. (2005). *Arkhaicheskaia toponimiia Novgorodskoi zemli (Drevneslavianskie deantroponimnye obrazovaniia)* [Archaic Toponymy of Novgorod Land (Old Slavic Deantroponyms)]. Veliky Novgorod: NovGU im. Iaroslava Mudrogo.

Received on 7 July 2019